УДК 94(47).073

М. Б. Свердлов

Академический анекдот как особый вид исторической памяти

Историческая память, или память о прошлом, является органической составной частью существования человечества весь период его бытия со времени формирования homo sapiens. Исторические предания и сказания, исторический эпос являлись древнейшими фольклорными средствами сохранения сведений о прошлом и его осмысления. Эти сведения стали одним из источников исторической информации в историко-литературных произведениях античного и раннесредневекового периодов европейских народов и государств в последовательном изложении исторических событий в их причинно-следственных связях. Но при этом, как обобщил Жак ле Гофф разыскания на эту тему, существенно различать память коллективную и индивидуальную, устную и письменную[1]. Проблему исторической памяти о М. В. Ломоносове в контексте концепции «места памяти» рассмотрела Е. М. Лупанова. Эта концепция позволила ей проследить генерализующую функцию обозначенного символического пространства, которое становится символом, «указывает на коллективную идентичность и является ее знаком»[2]. Но ведется дискуссия о целесообразности концепции «исторической памяти» как массовых или групповых представлениях о прошлом[3].

[1] *Ле Гофф Ж.* История и память. М.: Росспэн, 2013. С. 79–135 (франц. изд-е: 1988 г.).

[2] *Лупанова Е. М.* Роль юбилея 1865 г. в развитии исторической памяти о М. В. Ломоносове // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. СПб.: Кунсткамера, 2011. Вып. 1. С. 87.

[3] Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. СПб.: Европейский Дом, 2007.

В новейшее время появилась также тенденция включать историческую память как категорию исторического познания в более широкое понятие — историческую культуру[4]. Представляется, что в таком расширении выразилось постмодернистское размывание границ качественно разных видов научного и литературного творчества[5].

Одним из средств передачи исторической информации в России XVIII в. стал анекдот, который является преемником существовавшего ранее остроумного рассказа подчас юмористического содержания.

Вероятно, первым, кто опубликовал целенаправленно собранные и интерпретированные анекдоты, посвященные российской истории, стал Ф. М. Вольтер, который в 1748 г. издал «Анекдоты о царе Петре Великом». В это время анекдот должен был представлять собой интересный рассказ, содержащий «некую историческую и скрытую особенность, которую предшествующие историки упустили или умолчали»[6]. А. Маньан, который специально рассмотрел использование Вольтером жанра анекдота, определил его как произведение между историей, эссе и сатирой. По его наблюдениям, анекдоты с их интересом к малому конкретному факту обещали пикантность новизны. В данной связи он привел слова Вольтера в «Веке Людовика XIV» (1752) об анекдотах как о поле, «где собирают колосья (т.е. подбирают остатки. — *М. С.*) после большой жатвы истории»[7].

В конце XVIII в. И. И. Голиков использовал слово *анекдоты* («Анекдоты, касающиеся до Петра Великого») для названия перепечатанного с дополнениями семнадцатого тома «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России». В этой публикации содержатся многочисленные сведения о деятельности царя, но без критического анализа их достоверности[8]. В изданной в 1825 г. первой главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин использовал слово *анекдоты* в значении «интересные случаи», особо отметив, что сведения об этих случаях не получены в результате научных разысканий: «Он рыться не имел охоты / В хронологической пыли / Бытописания земли; / Но дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей». В предисловии к этой публикации А. С. Пушкин отнес события первой главы в концу 1819 г.[9]

[4] *Васильев А. Г.* Историческая культура // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 169–171.

[5] *Доманска Э.* Философия истории после постмодерна. М.: Канон, 2010.

[6] Le grand vocabulaire François. P., 1767. T. 2. P. 382.

[7] *Magnan A.* Anecdote // Inventaire Voltaire / Sous la direction de J. Goulemot, A. Magnan, D. Masseau / Révision générale par A. Magnan. P., 1995. P. 64; подробнее см.: *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 589–595.

[8] *Шмурло Е.* Голиков Иван Иванович // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 9. С. 45.

[9] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. 3-е изд. М.: Наука, 1964. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 11–12, 509.

В таком определяющем значении слова *анекдот*, соединившем историческую память с интересными подробностями, не привлекавшими внимания историков, использованы четыре записи Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского (1788–1850) на полях страниц в книге Н. М. Карамзина «Пантеон российских авторов» (Ч. 1, тетради 1–4. М., 1801–1802. Без пагинации). Эти маргиналии позволяют установить содержание и особенности анекдотов, которые устно передавались в научной среде в XVIII — первой трети XIX в. и не подлежали публикации.

Д. Н. Бантыш-Каменский принадлежал к аристократическому и в то же время интеллектуальному роду. Он являлся внуком князя Антиоха Кантемира и прекрасно образованного Андрея Степановича Зертис-Каменского. А. С. Зертис-Каменский после пострижения в монахи под именем Амвросий стал в своей духовной деятельности префектом Александро-Невской семинарии и завершил карьеру в качестве архиепископа Московского. Проявив решительность и большую силу воли, он не покинул Москву во время эпидемии чумы в 1771 г. и был тогда растерзан толпой, пытаясь прекратить бессмысленный бунт. Отец Д. Н. Бантыш-Каменского — Николай Николаевич Бантыш-Каменский — выдающийся архивист и археограф. Он дал сыну прекрасное домашнее образование и приучил его с юности читать исторические источники, серьезно интересоваться самыми разными историческими темами.

В юности Д. Н. Бантыш-Каменский был зачислен юнкером в московский архив Иностранной коллегии, где его отец являлся управляющим. В 1812 г. он помогал отцу спасать этот бесценный архив. После смерти отца, последовавшей в 1814 г., Д. Н. Бантыш-Каменский начал службу в Коллегии иностранных дел. Во время Венского конгресса он состоял при статс-секретаре графе К. Р. Нессельроде и в том же году женился на дочери князя И. С. Барятинского. Д. Н. Бантыш-Каменский числился на дипломатической службе, но был прикомандирован к военному губернатору на Украине князю Н. Г. Репнину, который способствовал его разысканиям об украинской истории. Их результатом стал значительный труд Д. Н. Бантыш-Каменского «История Малой России от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами» (Т. 1–4. М., 1822). Ранее он опубликовал содержавшие значительные исторические материалы «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» (М., 1810) и «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого» (Ч. 1, 2. М., 1813; 2-е изд. М., 1821; французский перевод: М., 1822; 1828; Paris, 1826, 1829). В «Деяниях» проявился интерес Д. Н. Бантыш-Каменского к историческим персоналиям.

В 1825 г. Д. Н. Бантыш-Каменский был назначен тобольским губернатором. Он старался хорошо исполнять свои обязанности, но вследствие интриг был подвергнут в 1828–1834 гг. судебному следствию, которое, впрочем, показало его невиновность. В эти годы Д. Н. Бантыш-Каменский подготовил к печати

и издал «Словарь достопамятных людей русской земли» (Т. 1–5. М., 1836). Сведения об этом труде, находившемся еще в рукописном виде, были известны русским интеллектуалам, так что А. С. Пушкин уже в 1834 г. предлагал Д. Н. Бантыш-Каменскому отдать его материалы в предполагавшееся издание А. А. Плюшара — «Энциклопедический лексикон»: «<...> великое множество биографических статей, Вами заготовленных, могли бы войти в состав этого лексикона»[10].

В 1836–1838 гг. Д. Н. Бантыш-Каменский являлся виленским губернатором и после других назначений стал в 1841 г. тайным советником. Но и в эти годы он продолжал свои историко-биографические разыскания. В 1840–1841 гг. Д. Н. Бантыш-Каменский издал в Петербурге четыре части «Биографий российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов»[11].

Учитывая обстоятельства биографии Д. Н. Бантыш-Каменского и его исторических разысканий, можно предположить, что анекдоты были записаны им на полях карамзинского «Пантеона российских авторов» во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг., поскольку его «Словарь достопамятных людей земли русской» был посвящен лицам интеллектуального труда, духовным и гражданским. Вероятно, в процессе написания «Словаря» карамзинские материалы также привлекли внимание Д. Н. Бантыш-Каменского, хотя нельзя исключить и более раннее появление этих маргиналий, но только после 1814 г., поскольку он писал, вспоминая анекдоты умершего к тому времени отца.

Карамзинский «Пантеон российских авторов» привлек внимание Д. Н. Бантыш-Каменского, видимо, потому, что в нём были даны краткие, но содержательные, иногда нелицеприятные характеристики некоторых русских литераторов и ученых. Возможно, в «Пантеоне» он искал также новые для себя сведения о деятелях русской науки и культуры. Как обоснованно отметил В. Штейн, особенностью написания «Словаря достопамятных людей земли русской» Д. Н. Бантыш-Каменского являлось то, что тогда было крайне мало опубликованных справочных материалов и специальных биографических исследований. Поэтому его автору приходилось писать «непосредственно по устным и письменным показаниям очевидцев»[12].

Рассматриваемый экземпляр карамзинского «Пантеона российских авторов» находился в библиотеке Д. Н. Бантыш-Каменского, о чём свидетельствует владельческая надпись на форзаце: «Дмитрия Бантыша-Каменского». Четыре «тетради» «Пантеона российских авторов» переплетены в один том.

---

[10] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. 3-е изд. М.: Наука, 1965. Т. 10: Письма. С. 489.

[11] Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 3. С. 12–13 (словарная статья без указания автора); *Штейн В.* Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1900. С. 460–468.

[12] *Штейн В.* Бантыш-Каменский... С. 466.

Владелец этой книги мог написать на ее страницах всё, что считал нужным для памяти, не опасаясь, что его записи прочтет кто-нибудь из многочисленных недоброжелателей. Поскольку эти тексты публикуются впервые, их авторское написание сохранено, но в упрощенной транскрипции. Анекдоты, записанные Д. Н. Бантыш-Каменским, приведены далее в порядке их следования в тетрадях первой части «Пантеона российских авторов».

Во второй тетради «Пантеона» в завершение карамзинского текста о Феофане Прокоповиче (1681–1736) как о писателе содержалась его характеристика как человека, с которым «никто не мог спорить в остроумии и учености». Н. М. Карамзин написал также о вольномыслии Феофана и допустимости такого вольномыслия в петровское время: «Феофан имел блестящие достоинства, следственно и неприятелей, которые обвиняли его ересью в умствованиях и в Теологии; но в царствование ли Петра Великого могло быть опасно такое злословие?».

Вероятно, такие характеристики Феофана Прокоповича способствовали тому, что Д. Н. Бантыш-Каменский вспомнил анекдот, рассказанный ему отцом об этом деятеле петровской поры, и написал на нижнем поле страницы, продолжая мысль Н. М. Карамзина о его остроумии и интеллектуальной вольности:

«Феофан отличался остротою ума.

Однажды за обеденным столом в Дворце, Меншиков в присутствии Петра Великого велел поднести скоромное кушанье Прокоповичу — Феофан отказался от онаго!!! “Почему, — спросил его Меншиков, — ваше Преосвященство лишаете себя любимых вами блюд, келейно употребляемых?” “По той же самой причине, — ответствовал Феофан, — по которой ваша Светлость удерживаетесь при людях от того, что делаете келейно с вашею супругою”.

Сие я слышал от моего Родителя».

В этом анекдоте выразилось свойственное Петру Великому и его ближнему окружению, в которое входил Феофан Прокопович, не только вольномыслие и остроумие, но также отрицательное отношение к двойственной жизни духовных лиц в петровское время, к их пристрастию к мирским благам. Таким образом, анекдот критического содержания по отношению к духовенству при Петре Великом с реальным или вымышленным содержанием хранился в аристократической и интеллектуальной среде более ста лет. В письменном виде он сохранил свойственную фольклорной традиции откровенность по отношению к интимным сторонам жизни, а также характерную для XVIII в. фривольность.

В третьей тетради «Пантеона российских авторов» Д. Н. Бантыш-Каменский записал анекдот в связи с кратким очерком Н. М. Карамзина, посвященном Сильвестру Кулябке (ум. в 1761 г.). Сильвестр, родом с Украины, в 1744 г. стал ректором Киевской духовной академии. Императрице Елизавете Петровне понравились проповеди, произнесенные им во время пребывания в Петербурге. По ее приказу он был оставлен в столице и в результате последующей

духовной карьеры стал архиепископом Санкт-Петербургским[13]. Замечательный писатель Н. М. Карамзин дал сдержанную характеристику литературным достоинствам его красноречивых проповедей, которые были популярны в елизаветинское время: «Слог его весьма нечист и темен ко вреду многих хороших мыслей, рассеянных в поучительных словах сего Архиепископа».

Вероятно, упоминание о красноречии Сильвестра, особенности его карьеры и сдержанность карамзинской характеристики побудили Д. Н. Бантыш-Каменского записать анекдот о нём на нижнем поле страницы «Пантеона российских авторов»: «О сем Преосвященном рассказывал мой покойный Родитель следующий Анекдот: Однажды в бытность его в дворце у Императрицы Елисаветы Петровны, Государыня, сообщив ему о своем огорчении, что ни один живописец не может сходно написать ее портрета, для большего удостоверения повела его в ту комнату, где находилось несколько ее портретов. "Предмет огорчения вашего Величества, — сказал тогда Сильвестр, — составляет предмет радости нашей". — "От чего это?" — вопросила **с удивлением** (выделенные слова написаны над строкой) Императрица. "Красота Вашего Величества неописанна (здесь: неописуема. — *М. С.*)"».

В этом анекдоте сохранилась память о красоте Елизаветы Петровны. Но в то же время в нем осуждена лесть, которая способствовала высокому положению льстецов при дворе. В анекдоте незамысловатая лесть Сильвестра противоречила его особому статусу архиепископа Санкт-Петербурга. О такой же манере поведения при дворе Екатерины II написал А. С. Грибоедов в первой половине 1820-х гг.: «А дядя! что твой князь? Что граф? / Сурьезный взгляд, надменный нрав. / Когда же надо подслужиться, / И он сгибался вперегиб <...>»[14].

Записанный Д. Н. Бантыш-Каменским анекдот о Сильвестре Кулябко с его вневременным осуждением лести в качестве средства карьеры был близок по своему содержанию как ученым людям, так и чиновникам на высоких административных должностях. Так что историческая память в данной социальной среде сохранила основной смысл этого анекдота: нравы двора елизаветинской поры, вневременную нравственную оппозиционность интеллектуалов такой манере поведения особенно в высших социальных слоях.

Третий анекдот Д. Н. Бантыш-Каменский записал в четвертой тетради «Пантеона российских авторов» в связи с кратким очерком Н. М. Карамзина о митрополите Новгородском Дмитрии (Сеченове) (1708–1767) как писателе. В своем продвижении лица духовного Дмитрий в 1757 г. стал новгородским архиепископом. В 1762 г. он совершил чин коронования императрицы Екатерины II, после чего был возведен в сан митрополита. В своих проповедях он в частности обличал недостаток благочестия и пороки российского общества[15]. Как написал

[13] [*Б-в Н.*] Сильвестр, архиепископ с.-петербургский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 29. С. 891.

[14] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1: Горе от ума. С. 38.

[15] [*Б. Н.*] Димитрий, митрополит новгородский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 10. С. 610.

о нем Н. М. Карамзин, «мы изображаем здесь Димитрия как Автора многих проповедей, которых достоинство состоит не в искусстве Ораторском, но в чистом Христианском учении и в смелом изображении мирских пороков».

Вероятно, в связи с такими словами Н. М. Карамзина о принципах митрополита Дмитрия (Сеченова) Д. Н. Бантыш-Каменский написал: «Покойный Родитель мой передал мне следующий Анекдот о сем Митрополите: Димитрий, видом суровый, имел грубый голос; в коронацию Императрицы Екатерины II приветствовал он сию Государыню у дверей Соборных речью, которую начал сими словами: “Зачем пришла еси?”. Императрица содрогнулась...»

Смысл анекдота заключался в том, что духовный пастырь, поборник благочестия, вопрошал императрицу, входившую в храм для коронации, но уже хорошо известную обстоятельствами личной жизни и восхождения к самодержавной власти. Слова «Зачем пришла еси?» своим содержанием указывали на нравственное несоответствие новой императрицы идеально понимаемому значению престола Российской империи. Вместе с тем такой анекдот понижал уровень носителя верховной государственной власти, делал его более доступным для критического обсуждения.

Вымысел этот анекдот или случай, действительно имевший место, — неизвестно. Но он сохранил в трансформированном виде также историческую память о событиях 1762 г. в интерпретации, отличной от официальной, о ее бытовании в среде аристократической и интеллектуальной.

В четвертой тетради Д. Н. Бантыш-Каменский записал анекдот в связи с текстом Н. М. Карамзина о М. В. Ломоносове. В соответствии с основным содержанием «Пантеона российских авторов» Н. М. Карамзин посвятил свой текст М. В. Ломоносову только как «отцу российского красноречия и вдохновенному стихотворцу». Поэтому он не стал перечислять научные заслуги М. В. Ломоносова. Но, обобщая всё сделанное им, Н. М. Карамзин написал: «Если гений и дарования ума имеют право на благодарность народов, то Россия должна Ломоносову монументом».

В интеллектуальной и аристократической среде, разумеется, хранилась память о научных и литературных заслугах М. В. Ломоносова. Но эта память включала также его негативные характеристики. Одна из них стала анекдотом, который был записан Д. Н. Бантыш-Каменским на странице с карамзинским текстом о М. В. Ломоносове: «Бессмертный Ломоносов, как человек, подвержен был слабостям: главный порок его состоял в неумеренном употреблении горячих напитков. Императрица Елисавета Петровна за одну Оду прислала Ломоносову воз, наполненный медными деньгами: всего было 1000 рублей. Стихотворец, обрадованный подарком, не счел сих денег, но немедленно купил себе ковш, почерпал оным в мешках и отправлялся — в кабак...

Сие я слышал от пок[ойного] моего Родителя, который знал Ломоносова и сказывал мне еще, что лицо его было багрового цвета».

Д. Н. Бантыш-Каменский объединил в этом тексте анекдот и конкретное воспоминание о великом ученом. В устной традиции сохранилась память о том, что М. В. Ломоносов выпивал. Действительно, вернувшись из Германии, где он оставил жену с ребенком, ожидавшую появления второго, М. В. Ломоносов продолжал в Петербурге традицию коллективных выпивок немецких студентов. Эти выпивки в молодые годы позволяли ему отдохнуть в компании друзей от напряженных трудов, отвлечься от жизненных трудностей и всё более сложных отношений с немецкими профессорами Петербургской академии, особенно с ее секретарем И. Д. Шумахером, которые, преувеличивая опьяненное состояние Ломоносова, стремились его опорочить. Позднее, в период стабилизации семейного, научного и литературного положения, нет достоверных сведений о его злоупотреблении алкоголем. Но исторической памяти свойственно хоть как-то принизить достоинства великого человека и тем самым приблизить его к уровню рассказчика анекдота. Так что в анекдоте о «бессмертном Ломоносове» сохранились сведения не о его великом научном и литературном таланте, а о слабости молодых лет, объяснимой трудностями жизни.

Анекдот, записанный Д. Н. Бантыш-Каменским, наполнен фольклорными клише. К ним относятся указания на вознаграждение императрицей за некую оду в тысячу рублей, на доставку их медными деньгами на подводе. При этом рассказчиков и слушателей анекдота не интересовала достоверность такого сообщения. Тысяча рублей медными деньгами в елизаветинское время должна была весить 16 тонн, поскольку один рубль был равен 16 кг медных монет[16].

По законам устной традиции формируется содержание анекдота — Ломоносов купил себе ковш, как будто в его домашнем хозяйстве не было столь необходимого предмета, и этим ковшом черпал в мешках деньги для кабака.

Когда Н. Н. Бантыш-Каменский рассказал сыну о красном цвете лица М. В. Ломоносова, оба они, вероятно, думали, что это — следствие неумеренного потребления алкогольных напитков. Между тем это сообщение очевидца объясняется длительным периодом опытов великого ученого со ртутью, с минеральными красками, с производством смальт и изделий из цветного стекла, имеющими тяжелые последствия для здоровья человека. Вероятно, они стали одной их причин безвременной смерти М. В. Ломоносова.

Таким образом, записанные Д. Н. Бантыш-Каменским со слов отца анекдоты, соединившие историческую память с интересными подробностями, которые оставались вне исторических разысканий, отразили определенные свойства интеллектуальной среды аристократического происхождения. Для таких ученых людей в XVIII — первой трети XIX в. было характерно ироничное и скрытое критическое отношение к верховной власти, если ее носители того заслуживали. Они одобряли вольномыслие, которое в петровское время допускалось по отношению к ежедневной жизни царских подданных, но в пре-

[16] Благодарим за эти сведения Виталия Александровича Калинина, заведующего отделом нумизматики Государственного Эрмитажа.

делах царских постановлений. Поэтому интеллектуалы и аристократы могли подвергать критике двойственную жизнь духовных лиц. Они осуждали лесть как средство карьеры на высоких должностях. В таких анекдотах, сохранявших историческую память о XVIII столетии, аналитично и критично сообщалось о конкретных людях высокого социального статуса.

В то же время в такой интеллектуальной среде аристократического происхождения сохранялось уничижительное отношение к М. В. Ломоносову. Его бессмертие как ученого и поэта было для них очевидно, но при этом не забывалось его «плебейское» происхождение.

Такая сложная структура исторической памяти раскрывается в анекдотах, хранившихся в особом слое интеллектуалов аристократического происхождения, рассказанных Н. Н. Бантыш-Каменским и записанных его сыном Дмитрием.

References

[*B. N.*] Dimitrij, mitropolit novgorodskij // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1893. T. 10.

[*B-v N.*] Sil'vestr, arhiepiskop s.-peterburgskij // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1900. T. 29.

Bantyš-Kamenskij Dmitrij Nikolaevič // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1891. T. 3.

Griboedov A. S. Poln. sobr. soč.: V 3 t. SPb.: Notabene, 1995. T. 1: Gore ot uma.

Domanska È. Filosofiâ istorii posle postmoderna. M.: Kanon, 2010.

Istoričeskaâ pamât' i obŝestvo v Rossijskoj imperii i Sovetskom Soûze (konec XIX — načalo XX veka): Meždunarodnyj kollokvium. Naučnye doklady. SPb.: Evropejskij Dom, 2007.

Le Goff Ž. Istoriâ i pamât'. M.: Rosspèn, 2013.

Le grand vocabulaire François. P., 1767. T. 2.

Lupanova E. M. Rol' ûbileâ 1865 g. v razvitii istoričeskoj pamâti o M. V. Lomonosove // Lomonosovskie čteniâ v Kunstkamere: K 300-letiû so dnâ roždeniâ M. V. Lomonosova. SPb.: Kunstkamera, 2011. Vyp. 1.

Magnan A. Anecdote // Inventaire Voltaire / Sous la direction de J. Goulemot, A. Magnan, D. Masseau; révision générale par A. Magnan. P., 1995.

Puškin A. S. Polnoe sobranie sočinenij v desâti tomah. 3-e izd. M.: Nauka, 1964. T. 5: Evgenij Onegin. Dramatičeskie proizvedeniâ.

Šmurlo E. Golikov Ivan Ivanovič // Brokgauz F. A., Efron I. A. Ènciklopedičeskij slovar'. SPb., 1893. T. 9.

Štejn V. Bantyš-Kamenskij Dmitrij Nikolaevič // Russkij biografičeskij slovar'. SPb., 1900.

Vasil'ev A. G. Istoričeskaâ kul'tura // Teoriâ i metodologiâ istoričeskoj nauki: Terminologičeskij slovar'. M.: Akvilon, 2014.

Список литературы

[*Б. Н.*] Димитрий, митрополит новгородский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 10.

[*Б-в Н.*] Сильвестр, архиепископ с.-петербургский // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 29.

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 3.

Васильев А. Г. Историческая культура // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014.

Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1: Горе от ума.

Доманска Э. Философия истории после постмодерна. М.: Канон, 2010.

Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX века): Международный коллоквиум. Научные доклады. СПб.: Европейский Дом, 2007.

Ле Гофф Ж. История и память. М.: Росспэн, 2013.

Лупанова Е.М. Роль юбилея 1865 г. в развитии исторической памяти о М.В. Ломоносове // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. СПб.: Кунсткамера, 2011. Вып. 1.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 3-е изд. М.: Наука, 1964. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения.

Шмурло Е. Голиков Иван Иванович // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 9.

Штейн В. Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1900.

Le grand vocabulaire François. P., 1767. T. 2.

Magnan A. Anecdote // Inventaire Voltaire / Sous la direction de J. Goulemot, A. Magnan, D. Masseau; révision générale par A. Magnan. P., 1995.